

И.В. Родионова

**К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССОВ АТТРАКЦИИ
С УЧАСТИЕМ ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ**
(на материале русских народных говоров)¹

Факты функционирования имен собственных (антропонимов) в appellативном значении достаточно легко поддаются интерпретации прежде всего в том случае, если мы имеем дело с так называемыми прецедентными именами. Речь идет о таких антропонимах, которые характеризуются семиотической полифункциональностью – используются не только как имена членов языкового коллектива, но и – вследствие своей принадлежности какому-либо культурно-мифологическому персонажу – являются знаками-носителями соответствующего комплекса смыслов. Вторичные номинации возникают непосредственно на базе этого прецедентного содержания; таковы, например, достаточно прозрачные с точки зрения происхождения факты *касъян* ‘о злом, недоброжелательном человеке’ (СРНГ 13, 119), ‘невзгоды, несчастье, горе’ (Карт. Сл. Русского Севера) (мотивированы негативным отношением к высокосному году и Касьянову дню 29 февраля); *иаван-дурák* ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’ (Словарь Башкирии 1, 159) (мотивирован образом сказочного персонажа) и др.

Однако подавляющее большинство нарицательных лексем, у которых можно подозревать антропонимическое происхождение, не соотносятся столь очевидно с конкретным прецедентным содержанием. Этот лексический материал отличается многочисленностью и разнородностью и при первом взгляде наводит на мысль о том, что возникновение языковых знаков такого типа осуществляется с приоритетом произвольности над мотивированностью. Таким образом, может показаться, что использование антропонимов в качестве вторичных наименований является прежде всего одной из реализаций игровых и экспрессивных интенций носителей языка, когда для номинатора важен сам факт привлечения антропонима (любого, просто как одного из представителей парадигмы имен человека), а момент выбора конкретного имени происходит в известной степени произвольно.

Более детальное рассмотрение позволяет выявить некоторые черты системности, присущие данной группе фактов, и выделить ряд общих закономерностей, которым подчиняется процесс “апеллятивации”. В частности, выявляется несколько наиболее регулярно заполняемых позиций идеографической классификации (“Характер человека”, “Рыбы”, “Растения”, “Грибы”, “Домашняя утварь и ору-

дия труда” и др.), несколько наиболее продуктивных моделей семантических переходов (антропоним как нарицательное обозначение интеллектуально неполноценного человека, женский антропоним как обозначение неряшливой, неумелой хозяйки, женский антропоним как обозначение малооценной рыбы и пр.).

Кроме того, обнаруживаются многочисленные примеры работы языкового сознания с формой антропонимов – примеры разного рода аттракций и народноэтимологического прочтения имени. В частности, выделяется группа фактов “этимологического-игрового” характера, когда темное с точки зрения внутренней формы слово превращается номинатором в единицу,озвучную антропониму (*дұська* ‘дуст’ (Брян. словарь 5, 47), *кондрат* ‘договор, контракт’ (СРНГ 14, 247), *митрофán* ‘магнитофон’ (Перм. словарь 1, 517) и пр.). Лексемы этой группы характеризуются однозначностью, не включаются в процесс дальнейшей семантической деривации, являя собой примеры эксплуатации звуковой оболочки имени, осуществляющейся без внимания к его содержательной стороне.

Другая группа отантропонимических производных – это единицы, возникшие в результате такой рефлексии носителей языка над антропонимом, когда проясняется его “внутренняя форма” и в соответствии с ней возникают смысловые компоненты апеллятивного характера. Здесь мы имеем примеры семантической номинативной вариативности. Например, можно предположить, что соотнесение имени *Емеля* с корнем *-мол-/мел-* (молоть, мелет) обусловило возникновение двух линий семантической деривации – на базе компонента “много есть” (*омéля* ‘обжора’ (СРНГ 23, 199)) и на базе компонента “много говорить, болтать” (*емéля* ‘празднослов, пустомеля, пустослов’; ‘лгун, хвастун’ (СРНГ 8, 355); *омéля* ‘человек, говорящий много и попусту’ (Ярослав. словарь 7, 44); ‘лгун, лгунья’ (СРНГ 23, 199) и др.), который в свою очередь мог продуцировать значения, связанные с идеями глупости, неумелости, неспособности приносить пользу (*емéля* ‘дурак; ротозей; простофиля’ (СРНГ 8, 355), ‘никчёмный человек’ (Карт. Сл. Русского Севера); *омéлюшка* ‘неумелый человек’ (Новг. словарь 6, 168) и др.). Также весьма показательным примером является совокупность дериватов имени *Акулина*. Значительную часть их составляют субстантивные характерологически оценочные номинации: *акулíна* ‘о неопрятной женщине’ (СРНГ 1: 227), ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’ (Сл. Сред. Урала 1, 26), *акúлюшка* ‘глупенькая’ (Словарь Башкирии 1, 20), *акúля* ‘о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке’ (Словарь Башкирии 1, 20; 2, 124); *кулíна* ‘некультурная, опустившаяся женщина’ (Малеча 2, 311); ‘о капризной, плаксивой девчонке’ (Смолен. словарь 5, 129), *окúля, окúлька* ‘неряшливая, неопрятная женщина’ (СРНГ 23, 173) и мн. др.; ср. также факт, вероятно,

метонимического происхождения *кулйна* ‘о пустой, глупой голове’ (Донск. словарь 2, 98). Кроме того, фиксируется ряд фразеологических выражений, в которых имя выступает как отрицательно, сниженно коннотированное: *смешить Акулью* ‘говорить вздор; делать глупости’ (Перм. словарь 2, 357); *однажды Акулька обмокла* ‘за один раз что-либо сделать’ (очевидно, неудачно. – И.Р.) (СРНГ 1, 228), *кулйна* ◇ *кулйна наёхала (на плéчи сéла)* ‘обидеться, замкнуться в себе’ (Смолен. словарь 5, 129); *окуля беспáтая* ‘бранное выражение’ (СРНГ 23, 173). В одной из работ² мы уже высказывали предположение о том, что здесь импульсом к деривационному процессу стало звучание антропонима с дериватами корня *-kul-, которые на базе семы изгибания, деформации развили различные пейоративные значения (ср. *куломень* ‘неповоротливый мужчина’, *кулёма* ‘непряха’, *кульба* ‘неудачник’ (Карт. Сл. Русского Севера), *окула* ‘плут, обманщик; хвастун’ (СРНГ 23, 172), *окульничать, окульывать* ‘обманывать, сплетничать’ (СРНГ 23, 173), *окуливаться* ‘копаться, возиться при одевании’ (СРНГ 23, 172).

Таким образом, не исключая присутствия фактора случайности при возникновении отантропонимических семантических дериватов, мы можем констатировать, что трансформация плана содержания такого языкового знака, как антропоним, подчиняется некоторым закономерностям. Они могут носить как общий характер (воздействие определенной модели семантического развития), так и быть более частного порядка (работа языкового сознания с внешней и “внутренней” формой имени).

В связи с этим представляется весьма важным взгляд на данный материал в этимологическом ракурсе, когда единицы, у которых предполагается антропонимическое происхождение, анализируются в контексте сходной с ними по форме и семантике нарицательной лексики.

В данной работе мы обратимся к группе диалектных лексем, включающих в качестве корневой или квазикорневой морфемы звукокомплексы *гавр-* и *гави-*.

В эту группу входят субстантивные и глагольные дериваты. Она не является одним словообразовательным гнездом, поскольку при “автономном” рассмотрении лексем с данными корневыми компонентами очевидно их различное происхождение: часть из них, вероятно, отантропонимические, а часть возводится к апеллятивным этимонам. Однако эта группа лексем обладает особенностями, позволяющими считать ее неким единым образованием – совокупностью с чертами морфо-семантического поля. При том, что лексемы, объединенные нами в данную группу, имеют различные источники возникновения, в ее составе фиксируется целый ряд лексико-

семантических вариантов, для которых вопрос об их происхождении нельзя решить однозначно, поскольку, на наш взгляд, они возникли “на стыке” деривационных гнезд и представляют собой результат разного рода формально-семантических взаимодействий и взаимовлияний. Географический фактор не препятствует рассмотрению этой лексической группы как целостного явления: составляющие ее дериваты весьма широко распространены в русских диалектах и достаточно последовательно фиксируются на смежных территориях – в частности, в северном наречии (олонецкие, вологодские, архангельские, костромские, ярославские говоры), в южном наречии (смоленские, тульские, орловские, курские, воронежские, тамбовские говоры). В связи с изучением апеллятивации онимов и решением проблемы мотивированности выбора при отантропонимической номинации эта совокупность лексем представляет особый интерес, поскольку дает пример того, как единица антропонимического происхождения, подвергшись значительной деонимизации, включается в апеллятивную среду, вступает в семантико-деривационные отношения с ее компонентами, расширяет свой деривационный потенциал, что ведет к возникновению единиц “смешанного” происхождения.

Перейдем к описанию языкового материала.

1. Один из центров предполагаемого поля образуют экспрессивные номинации ребенка, мальчика, в роли которых выступает субстантивная форма: *гáврик* ‘о ребенке’ (алт., кемер., перм., псков., сиб., том., тул., урал.) (Алтайск. словарь 1, 201; Краснояр. словарь 1, 200; Малеча 1, 323; Перм. словарь 1, 154; Сл. Сибири 1, 219; Словарь Прииртышья 1, 130; СРНГ 6: 85.); ‘о мальчике’ (урал.) (СРНГ 6, 85); ‘мальчик, юноша, ребенок мужского пола’ (Полн. сл. сибир. 1: 138); ‘о детях и подростках’ (Псков. словарь 6, 121; Смолен. словарь 3, 9).

Приведенные лексемы отличаются широким распространением в русских диалектах: они фиксируются как на южных и центральных территориях, так и в говорах Урала и Сибири³. Несмотря на некоторую нетипичность модели с суф. *-ик* для народных деминутивных форм антропонимов⁴, наиболее вероятным источником этих номинаций представляется имя *Гавриил* (*Гаврила*)⁵.

Если семантическая модель, по которой антропоним используется как апеллятивированная единица с характерологическим значением, весьма частотна в говорах, то перенос “антропоним → → апеллятивное обозначение половозрастного/социального статуса человека” достаточно раритетен. В нашем материале, насчитывающем более 2500 отантропонимических русских диалектизмов-апеллятивов, мы обнаружили всего 4 обозначения ребенка, в которых актуализированы возрастной и социально-функциональный компоненты: *додён* ‘ребенок, сосущий грудь’ (Яросл. словарь 4, 8)⁶,

кательёнок ‘маленький мальчик’ (СРНГ 13, 127)⁷, *мирён* ‘ребенок, рожденный вне брака’ (Перм. словарь 1, 517)⁸, *петрый* ‘мальчик на побегушках’ (СРНГ 26, 331)⁹. Примечательно, что данные лексемы, в отличие от языкового факта *гаврик* ‘ребенок, мальчик’, имеют более конкретную семантику, причем именно дифференцирующие семы позволяют в некоторых случаях делать выводы о мотивах номинации.

Попытка реконструировать мотивацию номинативных фактов привела к анализу примеров их словоупотребления, в результате чего выявились определенные закономерности.

Во-первых, в абсолютном большинстве контекстов единица *гаврик* употребляется во множественном числе и в связи с описанием ситуации большого количества детей: *С ей разошелся, а у ей восемь гавриков осталось* (СРНГ 6, 85); *У самого в семье семь гавриков было* (Словарь Прииртышья 1, 130); *У мамы у меня было шесть гавриков* (Алтайск. словарь 1, 201); *Нас у отца-то восемь гавриков было* (Перм. словарь 1, 154); *У него гавриков много, он не поспеет зарабатывать. Вас он сколько, гавриков* (Малеча 1, 323); *Взрослых много, да еще гавриков целая изба* (Смолен. словарь 3, 9); *Ты не прихлебайся к ним, их и так, как гавриков* (Арханг. словарь 9, 20); *У меня вон сколько этих гавриков по улице бегает* (Псков. словарь 6, 121); *Дети они дети и есть. Вон их, гавриков, цела орда* (СРНГ 6, 85); *Вот, грит, гавриков-то сколько у них* (Сл. Сибири 1, 219).

Во-вторых, наблюдается тенденция употребления лексемы для обозначения не просто множества детей, а множества шумящих и шалящих детей, ср.: *гáврик* ‘непослушный ребенок, шалун’: *Плохих детей называют гаврики, сарынь, а умного детенка так не называют* (Сл. Сибири 1, 219); *Гаврик – маленький мальчик. Когда собирается много, саранча собралась, гавриками зовут* (Вершинин. словарь 2, 14; Полн. сл. сибир. 1, 138); *Гавриками-то когда разозлившись, вот и крикнеши* (на детей) (Словарь Прииртышья 1, 130).

Таким образом, оценка речевых контекстов заставляет признать семы “множество” и “крик, шум” компонентами экспликационала смысловой структуры исследуемых номинаций ребенка.

Вообще, эти компоненты могли возникнуть собственно в рамках значения ‘ребенок’: семантика шума – наряду, например, с семой “шалость, озорство” – по отношению к понятию “ребенок, дети” может иметь производный, сопутствующий характер; кроме того, на актуализацию данной семы могло повлиять народноэтиологическое прочтение формы слова (интерпретация элемента *га-* как звукоизобразительного, соотнесение с *гам*, *галдеть* и пр.). Однако представляется весьма вероятным определенное внешнее влияние, а именно – воздействие на формирование этих номинаций

созвучных дериватов других гнезд. Так, в связи с семой “толпа, множество” напрашивается сопоставление рассматриваемых языковых фактов с продолжениями праслав. **gavēd-* и **gavezъ/ gavežъ*¹⁰. Представленные в различных славянских языках и диалектах, они в большинстве своем являются собирательными обозначениями мелкой живности: *gáveda* ‘гады: лягушки, ящерицы и под.; насекомые’ (вят., тул.) , ‘мошкара’ (новг.) (СРНГ 6, 83); *gávedъ* ‘лягушки, ящерицы и пр.; насекомые’ (олон.) (СРНГ 6, 83), ‘о змеях’ (Словарь Карелии 1, 321); *gávēdъ, gávotъ* ‘насекомые’ (Новг. словарь 2, 3). Характерно, что некоторые лексико-семантические варианты демонстрируют такую генерализацию значения, когда на первом плане оказывается именно идея множества живых существ, кучи, толпы – в том числе людей, детей: *gávezъ* ‘множество одинаковых существ, предметов: детей в семье, птиц во дворе и т.д.’ (курск.); *gávezъ* ‘множество’ (ряз.) (СРНГ 6, 83); *gávēdъ, gávēdъta* ‘маленькие дети’ (Новгород словарь 2: 3); блр. диал. *gávida* ‘множество, куча’ (например, детей в семье), польск. *gawiedź* ‘толпа’, ‘детвора’ (ЭССЯ 6, 110–111).

Следовательно, можно предположить, что здесь мы имеем дело с явлением взаимодействия словообразовательных гнезд по принципу морфо-семантического поля¹¹. Сходство внешней формы антропонима с производными славянского корня могло определенным образом направить деривационный процесс. Отантропонимическое образование присвоило себе семы ‘мелкий’, ‘множество’, которые вкупе с его “исконным” антропологическим смысловым компонентом¹² сформировали значение ‘дети’.

Одним из дальнейших шагов семантического развития следует считать редукцию идеи человека /живого существа и выход на первый план семантики мелкости, когда единица *gávrik* используется для обозначения неодушевленных предметов небольшого размера: ‘маленький стог’: *Пять гавриков сметали, не стоги, а гаврики, машемся, машемся, а ни с места долой* (Словарь Карелии 1, 321); ‘оставшаяся в поле, не убранная вовремя картошка’: *Во время войны мы все собирали гаврики в поле, где была раньше картошка посажена* (Псков. словарь 6, 121).

Примерами же более глубокой “мимикии” производных имени *Гаврила* под влиянием гнезда **gavēd-* являются номинации *гáврики* ‘вши’ (новг.); *гáврілка* ‘бранно о змее, гадюке’ (олон.) (СРНГ 6, 85).

Кроме того, смысловой компонент ‘крик, шум (издаваемый множеством живых существ)’ позволяет предположить включенность в деривационный процесс еще одной группы участников – дериватов праславянского звукоподражания *gava (ЭССЯ 6, 110; Аникин. Балто-слав. 1, 389), являющихся обозначениями птиц, ср.: *gáva* ‘ворона’

(южн.) (СРНГ 6, 83); *гáвка* ‘тага’ (арханг., сиб.); ‘особая порода морских уток черной масти’ (онеж.) (СРНГ 6, 84), а также укр. *гава*, *гáвря* ‘ворона’ (Сл. укр. мови 1, 263). Вписаться в морфо-семантическое поле этим дериватам позволяет как формальный фактор (созвучие с *гавр-* и *гавед-*), так и семантический: ментальный образ птицы (стай птиц) коррелирует с представлениями и о прочей мелкой живности (например, стае насекомых), и о детях, собирающихся в ватагу, кричащих¹³.

Можно также предположить, что именно воздействие этого гнезда в определенной степени обусловило усиление собирательного компонента в структуре лексического значения слова *гáврики* ‘дети’. Оно же могло способствовать возникновению языковых фактов, этимологию которых трудно установить однозначно. Речь идет о собирательных номинациях *гавиá*, *гашá* (*гашиá*). С точки зрения формы они – если допустить версию о диалектной акцентологической вариативности – сопоставимы с деминутивами от имени *Гаврила*: *Гáвшa*, *Гáша*¹⁴. В семантическом же отношении эти лексемы демонстрируют параллелизм своих значений со значениями производных *гавр-* и *гавед-*: *гавиá* ‘дети, детвора’ (морд., сарат.): *Семья у него большая, одной гавши восемь человек. Гавша надоела своим криком* (СРНГ 6, 85), *Иди к гавше да бегай с ними* (Мордов. словарь 1, 105); ‘мелкие живые существа’: *Одной гавши наловили* (Мордов. словарь 1, 105); ‘мелкие однородные предметы’: *Ну и гавша уродилась нонче, а не картошка* (Мордов. словарь 1, 105); *гашá* ‘дети разных возрастов о большом количестве’ (Яросл. словарь 3, 72); *гашá*, *гашиá* ‘ватага детей (обычно шумящих, шалящих)’ (костр.): *Вся гаша собралась в кучу; Ах вы, лешего гашиша, про детей говорят, гашиша-то бегают много. Полон дом гашиши* (Карт. Сл. Русского Севера). Кроме того, в костромских говорах зафиксирован лексико-семантический вариант – номинация птицы: *гашá* ‘галки’ (костр.): *Вот гаша полетела* (Карт. Сл. Русского Севера), – который позволяет говорить об актуальности семантической модели “птицы ↔ дети”.

Таким образом, можно предположить, что в рамках представленного выше материала имеет место явление взаимодействия словообразовательных гнезд по принципу морфо-семантического поля. Сходство внешней формы дериватов славянских корней **gavēd-* и **gav-* с производными антропонима могло определенным образом направить деривационный процесс. А именно, получили актуализацию определенные семантические модели, за отантропонимическими образованиями закрепились соответствующие смысловые компоненты; также появились языковые факты “переходной зоны” – лексемы, которые формально восходят к антропониму, однако их семантика наведена со стороны дериватов данных корней.

2. Другая лексико-семантическая группа антропонимических дериватов-субстантивов, которая также отличается многочисленностью и распространенностью в диалектах, – это характерологические номинации. Ядром ее следует, очевидно, признать обозначения умственно неполноценного человека: *гáврик* ‘простак, простофиля, разиня, глупец’ (волог., иссык-кульск., курск., н.-донск., орл., смол., урал.) (Малеча 1, 323; СРНГ 6, 85); ‘шутливое название чудаковатых людей’ (Смолен. словарь 3, 9); *гáвря* ‘простофиля, глупец’ (волог.) (СРНГ 6, 85); *гáвша* ‘бестолковый человек, дурак’ (смол.) (СРНГ 6, 85; Смолен. словарь 3, 9); *гáвша, гавиá* ‘бестолковый, глуповатый человек’ (Смолен. словарь 3, 9).

Относительно происхождения этих языковых единиц можно выдвинуть несколько предположений.

Во-первых, данная лексическая группа может быть связана отношениями производности с номинациями ребенка. Идея ребенка как “неполноценного” человека – в физическом и социальном планах – эксплицируется, например, в лексико-семантических вариантах *гáврик* ‘о человеке невысокого роста’ (Перм. словарь 1, 154); ‘о неавторитетном, неуважаемом человеке’ (СРНГ 6, 85); она же могла стать деривационной базой для слов с семантикой умственной неполноценности. Дополнительным доказательством версии о непосредственной деривационной связи двух семантических линий является фиксация обоих лексико-семантических вариантов единицы *гáврик* в смоленских, а также в тульских говорах.

Во-вторых, при формировании семантики глупости определенную роль мог сыграть фонетический (звукосимволический) фактор: тот же компонент га- передает впечатление от открытого рта, а признак “полорогости” является одной из составляющих ментального образа дурака¹⁵.

В-третьих, необходимо указать на выраженный доминантный характер модели семантического переноса, по которой антропоним используется как экспрессивно оценочная номинация глупого человека (например, *ерéма* ‘недогадливый, глупый человек; простофиля’ (СРНГ 8, 368; Яросл. словарь 4, 36); *макár* ‘простак, глупец’ (СРНГ 17, 308); *малáнья* ‘простушка; глуповатая, недалекая женщина’ (СРНГ 17, 318) *улýта* ‘очень забывчивый, рассеянный человек’ (Сл. Сред. Урала 6, 127) и мн. др.). Изучение комплекса характерологических номинаций антропонимического происхождения показало, что такая позиция идеографической классификации, как “умственно ущербный человек: дурак, простофиля, рассеянный и пр.”, является наиболее регулярно заполняемой и многочисленной¹⁶.

Наконец, в-четвертых, в связи с характерологическими номинациями, производными от антропонима *Гаврила*, также можно пред-

полагать влияние со стороны гнезда **gavēd-*. В числе его производных есть ряд языковых фактов, в которых усилившийся пейоративный компонент получил особую актуализацию и обусловил развитие семантики по пути большей генерализации и экспрессивности,ср.: польск. *gawiedź* ‘сволочь, шпана’ (ЭССЯ 6, 110); рус. диал. *гáвeda* (тул.), *гавéдъ* (арханг.) ‘что-либо мерзкое, гадкое; гадость, дрянь’ (СРНГ 6: 83); *гáведъ* ‘бранно о человеке’ (арханг.)¹⁷; ‘противный, скверный человек’ (арх.).; *гáведно, гавéдно* ‘противно, гадко, отвратительно’ (арханг., перм., свердл.); ‘грязно, душно’ (заурал., кург.) (СРНГ 6, 83). Таким образом, предположительно, дериваты этого гнезда в какой-то степени могли инициировать пейоративную линию семантического развития атропонимических производных: помимо обозначений дурака, отмечается ряд других примеров, где деминутивные формы имени выступают в качестве экспрессивно-оценочных единиц с различными негативными значениями: *гáврик* ‘хитрец, пройдоха, ловкач’ (дон., пенз.); ‘щеголь, ферт (с пометой *неодобр.*)’ (тул.); ‘хулиган’ (волог.) (СРНГ 6, 85); ‘бездельник’ (Краснояр. словарь 1, 200); *гавиá* ‘плохой человек’ (казан.) (СРНГ 6, 85); ср. также название грибов (предположительно, разновидности рыжиков) *гáвины гúбы*, мотивировочными признаками которых могли стать невысокое качество и непривлекательный внешний вид: *Есть рыжики, а есть бабье ухо, а ишо гавины губы, на борах рас-тут, корявые* (подчеркнуто нами. – И.Р.) (Перм. словарь 1, 191).

3. В смоленских говорах зафиксирована группа предметных номинаций: *гáврик, гáвила, гаврýла, гаврýлка* (СРНГ 6, 85; Смолен. словарь 3, 3). ‘деревянная подставка, в которую вставляли горящую лучину, светильник’: *Тады был гаврик, ли лучины. Уторнишь лучи-ну в етый гаврик, и горить. Такая была подставка, гаврила. Туды лучину вставляли* (Смолен. словарь 3, 3).

Попытка интерпретировать данные факты с точки зрения мотивированности привела, во-первых, к обнаружению параллелей в парадигмологии: в загадках посредством антропонима *Гаврила* кодируются предметы-осветительные средства, при этом акцентируется такой их признак, как загрязненность: *Стоит Гаврило, замазано рыло. – Свеча* (ряз.)¹⁸; *Стоит Гаврило, замарано рыло. – Светец* (ворон., орл., ряз.)¹⁹.

Во-вторых, в связи с признаком загрязненности обращает на себя внимание гнездо глагольных дериватов с корнем *гаер-*, а именно та его часть, где эксплицируется семантика пачкания, грязи: ср. смол. *загáврать* ‘загрязнить, испачкать’ (Смолен. словарь 4, 52), а также *гáвраться, гáвриться* (курск.) (СРНГ 6, 84), *гáвряться* (Яросл. словарь 3, 65) ‘пачкаться’, *гáврать* ‘сорить, наводить беспорядок, грязь в доме’ (тамб.)²⁰, *гáврить* ‘пачкать’ (олон.) (СРНГ 6, 85); а также субстантивные формы: *гáвря* ‘гной и другие продукты рас-

пада тканей живого организма' (беломор., олон.) (СРНГ 6, 85), *загáвря* 'не заботящийся о своем внешнем виде, неопрятный человек, неряха' (волог., новг.) (СРНГ 9, 351).

Приведенные лексемы возводятся к праслав. **gav̚rati* /**gav̚riti*. В ЭССЯ данная форма интерпретируется как возникшая из сложения экспрессивной приставки **ga-* и глагола **v̚rati* /**v̚riti* 'вертеть'. Эта версия признается О.Н. Трубачевым наиболее приемлемой, в частности, из тех соображений, что таким образом поддается объяснению весь ряд значений, которые приобрел глагол в славянских языках ('дразнить', 'насмехаться', 'пачкать, грязнить', 'играть, подбрасывая посох', 'портить', 'прясть' и пр.) (ЭССЯ 6, 112–113). Однако согласно другой версии, это экспрессивный дериват от **gav̚iti*¹ 'делать безобразным, отвратительным; вызывать отвращение', которое, в свою очередь, связано с **gov̚no* (СП 7, 77, 73; Аникин. Балто-слав. 1, 390–391).

Представляется, что материал русских говоров свидетельствует в пользу второй версии: подавляющее число дериватов гнезда **gav̚r-* развивают значения в рамках семантического комплекса "пачкать – портить посредством загрязнения – портить посредством неумелого обращения"; в дополнение к приведенным выше ср.: *гáврать* 'делать что-либо плохо' (ворон., курск., орл.) (СРНГ 6, 84), 'готовить пищу невкусно, нечисто; пачкать грязнить помещение, посуду при приготовлении пищи' (курск., орл.) (СРНГ 6, 84), *гáврить* 'делать что-либо плохо, неумело (невкусно, нечисто готовить пищу; прясть (кое-как, медленно)²¹' (курск.) (СРНГ 6, 85), *перегáврать* 'мешая, соединяя что-либо разнородное, сделать непригодным для дальнейшего использования': Рядом положили две кучки: сено и солому ячменную, а куры усё кругом раскопали, перегаврили усё, теперь не поймёшь, там и сено, и солома, и ветки, и перья (Орлов. словарь 9, 58), *погáврать* 'напрасно извести продукты из-за неумелого их использования' (Орлов. словарь 10, 18), *гáвраться* 'готовить пищу невкусно, нечисто' (курск., орл.): Неудалая баба гаврается целое утро около печи (СРНГ 6, 84), ср. также *гáвра*: Погаврала муку, гавра, а пирогов не напекла (Орлов. словарь 10, 18), *загáвря* 'беспечный, нехозяйственный человек' (волог.) (СРНГ 9, 351), 'неумелый, неловкий, неуклюжий человек' (новг.) (СРНГ 9, 351)²².

Таким образом, есть основания предполагать, что отантропонимические номинации светильника и свечи мотивированы со стороны денотата признаком загрязненности, а со стороны языка – соотнесенностью сем "грязь", "пачкать" с антропонимом *Гаврила*²³. Данная соотнесенность, в свою очередь, обусловлена морфо-семантическим сближением антропонима и его дериватов с производными формами **gav̚rati* /**gav̚riti* < **gav̚iti* < **gov̚no*.

Помимо этих предметных номинаций, фактом “смешанного” происхождения можно, очевидно, считать глагол *гаврûлить* ‘делать что-либо плохо’ (СРНГ 6, 85). Он зафиксирован в воронежских говорах, где существует наряду с вариантом *гáврать* в том же значении, и вполне вписывается в вышеприведенный ряд русских диалектизмов, производных от **gav̥rati* /**gav̥riti*. При этом его форма дает явный отсыл к антропониму, сопровождающейся усилением экспрессивно-оценочного компонента.

Итак, рассмотренные в данной работе языковые факты позволяют сделать вывод о существовании в русской диалектной традиции морфо-семантического поля, в которое оказались в той или иной степени втянуты единицы, соотносимые с несколькими корнями: дериваты восходящих к праслав. *gaviti форм **gav̥eda* / **gav̥edъ* / **gav̥edbъ*, *gavezъ / *gavežъ, **gav̥rati* /**gav̥riti*, восходящие к праслав. *gava орнитонимы, а также апеллятивированные формы, производные от антропонима *Гавриил* / *Гаврила*.

Описанное языковое явление особо примечательно в том плане, что дает возможность наблюдать, каким образом может осуществляться возникновение отантропонимических апеллятивов. Формальное сходство антропонима с определенными корнями нарицательной лексики позволяет ему внедряться в апеллятивные парадигмы, подсоединяться к соответствующим гнездам и получать “семантическую подпитку” от этой среды. Таким путем имя, трансформируясь в апеллятив, в той или иной степени заимствует семантику, параллельно реализуя и собственный смысловой потенциал, источником которого может быть, например, звукоизобразительное или звукосимволическое прочтение его формы. Возникающие на этой почве лексемы-“метисы” – это “частичные” дериваты нарицательных единиц, нередко отличающиеся от последних большей экспрессивностью, ярко выраженной игровой прагматикой, поскольку связь с антропонимом не утрачивается окончательно, остается в качестве фона.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ МК-3565.2004.6

² Родионова И.В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. № 2(10), 2005, 159–189.

³ Лексема *гаврик* ‘ребенок’ имеет статус факта просторечия.

⁴ В словаре Н.А. Петровского к имени Гавриил приводятся следующие деминутивы: *Гаврûлка*, *Гáвра*, *Гаврûнья*, *Гаврûся*, *Гаврûха*, *Гаврûша*, *Гáня*, *Гáнёся*, *Ганôха*, *Ганôша*, *Гагáня*, *Гáши*, *Гáша* (Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М., 2000, 93).

- ⁵ Ср.: *Огин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004, 108.
- ⁶ Может считаться не столько семантическим дериватом, сколько омонимом, возникшим в соотнесении с фонетически мотивированными лексемами *додбить* ‘много есть: кормить, поить вдоволь’; *додбнить* ‘сосать грудь’; *дудбнить* ‘сосать грудь’; ‘пить неотрывно, много’ (Яросл. словарь 4, 8, 24).
- ⁷ На той же территории (калуж. говоры) фиксируется факт *кательонок* ‘маленький цыпленок’ (СРНГ 13, 127); в других областях компонент *катья* широко используется в подзывных словах к курам (Доп. с Сл. Сред. Урала, 229), козам (СРНГ 13, 137), овцам (СРНГ 13, 138; Смолен. словарь 5, 23–24). свиньям (Яросл. словарь 5, 24); ср. также *кательик* ‘двуухлетний теленок’ (СРНГ 13, 127); таким образом, обозначение ребенка может считаться вторичным по отношению к обозначению детеныша животного.
- ⁸ Очевидно, от *мир* ‘община’, т.е. “общий” ребенок, при аттракции к имени *Мирон*.
- ⁹ На той же территории (Юж. Урал) фиксируются номинации *петрыйка*, *петрьюшка* ‘о мужчине’ (СРНГ 26, 331–332).
- ¹⁰ Данные формы возводятся к глаголу *gaviti ‘делать безобразным, отвратительным, вызывать отвращение’, который соотносится с *goчyло ‘эксременты’ (SP 7, 73; Аникин. Балто-слав. I, 390–391).
- ¹¹ *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 1995. Т. 54. № 4, 60–65.
- ¹² Данный компонент – идея отнесенности номинируемого объекта к классу людей – является частью семантической структуры антропонима.
- ¹³ Семантический перенос “птицы → дети” является весьма распространенным; ср. устойчивые метафорические номинации детей *птенчики*, *галчата*, а также в дискурсе советской эпохи *орлята*.
- ¹⁴ *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 2000, 93.
- ¹⁵ *Леонтьева Т.В.* Интеллект человека в зеркале русского языка. Автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- ¹⁶ Подробнее в: *Родионова И.В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах.
- ¹⁷ Ср. контекст к экспрессиву *гáведь* ‘о человеке’: *Ребятишки* (sic! – И.Р.), *гáведи пакостные, ничего не слушают* (Словарь Карелии 1, 321). Его можно интерпретировать как пример ответного влияния, “рикошетного” импульса со стороны отантропонимических лексем (*гáврик* ‘ребенок (в т.ч. шалящий, шумящий, непослушный)’).
- ¹⁸ *Садовников Д.* Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1995, № 213.
- ¹⁹ *Садовников.* Указ. соч., № 196-б: *Митрофанова В.В.* Загадки. Л., 1968, № 3272.
- ²⁰ *Моисеева Я.С.* Словарь диалектных глаголов Тамбовской области. Тамбов, 1998, 20.
- ²¹ Для объективности отметим, что в костромских говорах фиксируются лексико-семантические варианты, в которых выражено только процессуальное значение, без пейоративно-оценочного компонента: *гáврять* ‘прясть’ (Яросл. словарь 3, 65); *чагáврить* ‘напрясть’: *Ой, как ты много нагаврила* (Яросл. словарь 6, 88). Однако при этом одна из дефиниций характеризуется неопределенностью и содержит предположение об отрицательном качестве

- процесса: *гáврить* ‘прясть (?)’, вероятно, копаться кое-как за прялкой’ (Яросл. словарь 3, 65).
- ²² На территории Ярославской и смежных областей подобные формы отмечены также в качестве обозначений физиологических действий и явлений, сопровождаемых звуками кашля, рвоты: *гáврить* ‘тошнить (безлич.)’; ‘рвать’ (безн.); ‘издавать звуки при позывах к рвоте’; ‘кашлять’ (СРНГ 6, 85; Яросл. словарь 3, 65); *гáвриться, гáвряться* ‘чувствовать тошноту, позывы к рвоте’; ‘давиться плохо прожеванной пищей при быстрой еде’; ‘издавать звуки при позывах к рвоте’; ‘находиться в состоянии рвоты’; ‘кашлять громко, с трудом’ (Яросл. словарь 3, 65); *загáвриться* ‘закашляться или поперхнуться во время еды’; ‘почувствовать позыв к рвоте, тошноту’ (СРНГ 9, 351); ср. также *гáврила* ‘о человеке, с трудом и громко кашляющем’ (Яросл. словарь 3, 65). Вероятно, эти факты являются по отношению к приведенным словообразовательными омонимами звукоизобразительного происхождения, которые можно соотнести с **gavit*² ‘быть невнимательным, ротозейничать’, производным от *gava ‘ворона; разиня’ (SP 7, 73; Аникин. Балто-слав. 1, 390–391). Результатом дальнейшего семантического процесса на базе семы ‘издавать (громкие) голосовые звуки’ являются, вероятно, варианты *гáвряться* ‘упрямиться в споре, говорить с оттенком противоречия’; *гáвриться* ‘куражиться’ (Яросл. словарь 3, 65).
- ²³ В костромских говорах фиксируется ряд глагольных дериватов, корень которых, очевидно, имеет антропонимическое происхождение (от имени *Кирилл*), а значения базируются на идее масления, пачканья: *закирíлить, закирíливать* ‘замазывать, замасливать что-либо’, *закирóшничать* ‘замаслить, замазать’ (СРНГ 10, 125); *искирíлить, цскирóшничать* ‘измазать маслом, измазливаться’: *искирíлиться* ‘измазаться маслом’ (СРНГ 10, 215); *накирíлить* ‘на-маслить, положить масла’: *накирилить кашу* (СРНГ 19, 319); *накирóшить, накирóшничать* ‘намазать, намаслить’ (СРНГ 19, 320); *раскирóшить, раскирóшничать* ‘размазать много масла; запачкаться’ (СРНГ 34, 117) и др. Приведенная загадка имеет варианты с именем *Кирило: Кирило! Кирило!* Что у те замазано рыло? – Так Бог велел. – Шесток (без указ. мест.) (Садовников. Указ. соч., № 130); *Кирило замазано рыло. – Ночник*, (курск.) (Садовников. Указ. соч. № 220). Мы не имеем достаточного числа доказательств по поводу отношений производности между этими фактами паремиологического и языкового уровней; их различная географическая привязка усугубляет сомнения. Однако пример семантико-мотивационного соответствия, которое мы усматриваем между паремийной номинацией *Гаврила* и лексемами с корнем *гавр-*, позволяет предложить версию о существовании в данном случае определенной связи. А именно, можно предположить, что это обратный рефлекс переноса *гаврить* ‘пачкать’ → *Гаврила* ‘грязный’: вариант *Кирило* – как кодовое обозначение бытового предмета, отличающегося загрязненностью, засаленностью (шесток, ночник), – мог обусловить возникновение отанграпонимических глагольных дериватов с соответствующей семантикой.